

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В 1920—1930-х ГОДАХ

Валентина Алексеевна КОРОЛЕВА,
кандидат исторических наук

В конце 1920 — начале 30-х годов основным ядром развития государственной системы музыкального образования на Дальнем Востоке была единственная структура — музыкальная школа 1 ступени, одновременно решавшая задачи массового музыкального просвещения и закладывания первооснов профессионализма.

В ведении Дальневосточного краевого отдела по делам искусств находилось 4 музыкальных школы, действовавших в крупных городах региона — Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске и Чите¹. В них, как и повсеместно, было введено 4-летнее обучение для детей до 15 лет по специальности — фортепиано, струнные и духовые инструменты, сольное и хоровое пение².

Количество специальных классов определялось наличием преподавателей. Программы в связи с введением упорядоченной структуры 4-годичного курса и опорой на крепкие традиции практической педагогической работы становились более унифицированными³.

Наиболее основательно программа обучения и количество специальностей были представлены в музыкальной школе г. Владивостока, которая, несмотря на отток большинства ведущих педагогов, сумела в целом сохранить активные жизненные функции и сложившиеся за многие годы традиции ведущего музыкального учебного заведения города и региона. При этой школе в 30-е годы продолжали плодотворно работать оперная и балетная студии, открылась театральная студия. Все это стало возможным благодаря высококвалифицированному штату педагогов, многие из которых начали свою деятельность еще в начале 20-х годов. Это Кудреватых, Лауниц, Добротворская, Черненко, Булуева-Аснык, Соловьева, Павленко. В 30-е годы в коллектив влились молодые талантливые музыканты Будрин и Фесечко.

Хабаровская музыкальная школа, несмотря на то, что многие ведущие музыканты эмигрировали за границу или уехали в центр России, не угасла, т.к. в центр ДВК — Хабаровск Дальрабисом приглашались музыканты из Москвы, Ленинграда и других городов.

С 1928/29 уч. г. Читинская музыкальная школа переживала тяжелый период, связанный с прекращением деятельности музыкального техникума осенью 1925 г. и сокращением большого числа квалифицированных педагогов.

Немалая организационная работа директора общеобразовательной школы №4 П. Космакова, сохранившего музыкальные классы, разработавшего проект воссоздания музыкальной школы и нашедшего контакты с местными партийными и государственными органами, увенчалась успехом. И 1 октября 1928 г. в Чите стала вновь работать музыкальная школа.

Основной костяк педагогического коллектива составили супруги Крушельницкие, Де-Витте. Начали работу опытные педагоги Гусаков и Ревенчин, а также молодые преподаватели Грязнухин — воспитанник Крушельницкой, Торбожина, Велидченко, Кунашева. Но все же школа испытывала острую нехватку квалифицированных педагогов по классам фортепиано, оркестровых инструментов, хорового и сольного пения⁴.

С 1930 до 1937 г. директором Читинской музыкальной школы работала Евгения Марковна Кацнельсон, выпускница Ленинградской консерватории. Ее талантливая ученица Женя Городскова была направлена в школу для одаренных детей и впоследствии окончила Московскую консерваторию по классу Э. Гилельса.

Более тяжело складывалась судьба музыкальной школы Благовещенска. После отстранения от руководства А.Ф. Кнауф-Кутузовой и назначения на должность директора партийного функционера Н.Д. Никитина школа из-за чрезмерных «классовых чисток» и регулирования социального состава преподавателей и учащихся потеряла практически весь квалифицированный педагогический коллектив. Бывшая вплоть до 1923 г. мощным очагом музыкального образования и в целом музыкальной культуры Дальнего Востока, к концу 20 — началу 30-х годов музыкальная школа имела лишь несколько классов при общеобразовательной школе им. Тимирязева. От большого высококвалифицированного коллектива остались 3 педагога, окончивших консерваторию и 2 преподавателя со средним и домашним образованием⁵.

По-видимому, судьба этой школы наиболее ярко отразила трагизм ситуации «великого перелома» на Дальнем Востоке. Столь огромной амплитуды перепада от значительного подъема деятельности в начале 1920-х годов к тотальному разрушению на протяжении 1925—1928 гг. не испытывал на себе, пожалуй, никакой другой очаг региональной музыкальной культуры.

После 6-летнего (1923—1928) существования на жестком хозрасчете, основательно подорвавшем материальную базу всех институтов музыкального образования Дальнего Востока, музыкальные школы Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и Читы перешли на государственное финансирование и получали дотацию из местного бюджета в 10 тыс. руб.⁶. Однако их материальное положение оставалось очень тяжелым. Прежде всего средства черпались из оплаты учащихся и сборов от концертов. Все школы не имели постоянного помещения, а многие работали в совершенно непригодных помещениях. Музыкальный техникум при музыкальной школе Владивостока располагал всего-навсего тремя жалкими комнатухами и передней, где помещалась канцелярия, принимали посетителей...⁷

Музыкальный инструментарий, ноты, грампластинки — все нуждалось в улучшении качества и пополнении. Штатный преподаватель за работу с 15 учениками получал в среднем 88 рублей в месяц⁸.

Число учащихся в дальневосточных музыкальных школах колебалось от 150—180 чел. (Чита), до 200—240 человек (Владивосток, Хабаровск)⁹. Прием

регламентировался социальным происхождением. Размер взимаемой платы за обучение — 6 руб., 7 руб.50 коп. и 10 руб. золотом зависел от материальной обеспеченности учащихся и определялся либо исполбюро учащихся, либо администрацией. Бесплатные вакансии составляли к концу 20 — началу 30-х годов примерно 1/3 от общего числа учащихся и вводились с целью осуществления «культурного шефства» над красногвардейцами по рекомендации профсоюзных и партийных организаций¹⁰.

Многие профсоюзные организации устанавливали свои стипендии. Так, в Чите союз совработников имел четырех стипендиатов, союзы металлистов, читгоркопа и нарсвязи — по три, союзы Рабиса, пищевиков, горкомхоза — по два, союз нарпитания одного стипендиата¹¹.

В первой половине 1930-х годов в области регионального музыкального образования наметилась тенденция разрастания и реорганизации системы. Музыкальные школы перешли с 4-летнего на 7-летний срок обучения. При них открылись курсы для взрослых: в Чите в 1928 г., во Владивостоке в 1931 г., в Хабаровске в 1933 г. Таким образом, с одной стороны, был преодолен возрастной регламент обучавшихся (не старше 15 лет) и появился доступ к музыкальному образованию взрослых. С другой стороны, хозрасчетные курсы явились новым и выгодным финансовым источником существования школ. Плата за обучение на курсах, составившая 72 руб. в год и 7 руб.50 коп. в месяц (как минимальная)¹², была довольно высокой для большинства желающих получить музыкальное образование и иногда вызывала возмущение: «Безобразия с оплатой (как в Америке) 7 руб. 50 коп. как минимальная плата — плата, невиданная нигде в СССР. Рассчитана на детей спекулянтов»¹³, — писала одна из газет Читы.

За каждого учащегося на курсах преподаватель получал по 4 руб. в месяц весь год, если тот прозанимается до конца учебного года. Если же ученик прекращал занятия раньше, то преподавателю платили по 2 руб. Таким образом, зарплата преподавателя зависела от количества учащихся в его классе. Так, скрипач в среднем мог заработать по 150 руб. в месяц, а виолончелист до 100 руб. в месяц в течение всего года. Причем плата шла за 12 месяцев, а работа в учебном году продолжалась 8 месяцев¹⁴.

В 1933 г. во Владивостоке и в 1935 г. в Хабаровске на базе курсов для взрослых были открыты музыкальные техникумы*. Музыкальный техникум такого статуса функционировал в Чите в 1923—1925 гг. на основании «Положения о техникумах», утвержденного коллегией НКП 12 июля 1923 г., и учебного плана, утвержденного секцией ГУСа 9 сентября 1922 г. Это музыкальное учебное заведение ставило своей целью выпустить хорошо подготовленных музыкальных работников — оркестровых исполнителей-солистов, педагогов, инструкторов.

Техникум разделялся на 2 ступени: музыкальную школу 1-й ступени и на собственно техникум, представлявшей школу 2-й ступени. Школа 1-й ступени имела 3-годичный курс и давала первоначальное общее музыкальное образование, развитие исполнительского мастерства в избранной специальности. Для ее окончания требовались зачеты по всем изучавшимся дисциплинам, а также выполнение специальной программы, могущей обнаружить степень мастер-

* Кузнецов М.С. в работе «Дальневосточные партийные организации...» (С.365) указывает на тот факт, что в составе техникумов в свою очередь действовали подготовительная школа и курсы.

ства. Выпускники получали свидетельство об окончании школы и право перехода во вторую ступень без особого испытания.

Школа второй ступени или собственно техникум, состояла из исполнительского отделения, включавшего два концертра, из которых 1-й двухгодичный и 2-й одногодичный, каждый из концертров распадался на триместры. По мере увеличения материальных средств и учебных сил в техникуме могли быть открыты и другие отделения, указываемые учебным планом, утвержденным научно-художественной секцией ГУСа от 9 сентября 1922 г., а именно: научно-теоретическое, инструкторско-педагогическое и творческое.

Во второй ступени техникума учащиеся получали в достаточной мере законченное музыкальное образование как в смысле общего музыкального развития, так и в избранной специальности. Окончившие эту ступень приобретали квалификацию музыкального работника по специальностям исполнитель-солист, оркестровый музыкант, педагог и прочие.

Для окончания обоих концертров техникума требовались зачеты по всем изучаемым дисциплинам.

Окончившие первый концерт техникума получали или свидетельство, или право перехода во 2-й концерт техникума. Окончание второго концертра техникума давало квалификацию художника данного рода искусства, инструктора-преподавателя школьного, внешкольного и специальных музыкальных школ первой ступени.

По окончании первого концертра исполнительского отделения требовалась сдача технического зачета (упражнения, этюды и проч.) и исполнение программы, не представлявшей слишком виртуозной художественной трудности.

Учащиеся исполнительского отделения, не сдавшие зачеты по теоретическим предметам, могли быть переведены в следующую ступень школы и в концерт техникума, но до сдачи этих зачетов не могли получить свидетельство об окончании школы и техникума.

Техникумы находились в непосредственном ведении Дальнего, назначавшего заведующих этими музыкальными учебными заведениями*. Учебные планы и программы обсуждались на совете техникума и затем представлялись на утверждение Дальнего.

Материальные средства музыкальных техникумов могли состоять из сумм, отпускаемых государством по смете Наркомпроса, художественными и другими заинтересованными учреждениями, ассигнований из бюджетов местных исполкомов, а также платы за обучение, доходов от концертной деятельности учебного заведения и прочих поступлений.

В целях воспитания у каждого чувства ответственности, дисциплины и коллективизма при техникумах существовали органы самоуправления учащихся¹⁵. В 1936 г. во Владивостокском музыкальном техникуме обучались 240 человек¹⁶.

В 1937 г. Владивостокский и Хабаровский музыкальные техникумы были преобразованы в музыкальные училища с 6-летним сроком обучения. Наиболее способные выпускники музыкальных школ могли получить среднее спе-

* Директором Хабаровского техникума был Николай Кооль, автор слов песни «Там вдали, за рекой», бывший красный комиссар, участвовавший в гражданской войне на Дальнем Востоке.

циальное образование. Уже в октябре 1937 г. музыкальные училища Владивостока и Хабаровска имели по 420 студентов¹⁷.

Постепенно росла и динамика продуктивности работы учебных заведений среднего звена. Если в 1935 г. первый выпуск Владивостокского музыкального техникума составил 5 человек¹⁸, то в 1938 г. училище закончили уже 15 человек¹⁹.

В 1939 г. в училище Владивостока обучались 97 человек, а в музыкальной школе при училище 158²⁰.

На всем протяжении 1930-х годов эти учебные заведения оставались крупными центрами музыкальной и в целом художественной культуры, вели интенсивную концертно-просветительную деятельность.

Местная пресса отмечала концерты педагогов и учащихся музыкальных учебных заведений как показательные с точки зрения «роста советской музыкальной культуры» на Дальнем Востоке. «Концерт учащихся музыкальной школы нужно отметить как определенное достижение музыкальной учебы Владивостока, показавшее рост новых кадров советского искусства»²¹. Среди учащихся выделялись пианистка Ю. Амброс (класс педагога Павленко), скрипач Кастлер, виолончелист Иванов (класс педагога Будрина), певицы Свинцова (класс педагога Добротворской) и Свистильникова (класс педагога Черненко), а также еще более десятка имен талантливых воспитанников²².

Молодые педагоги Д. Будрин и Г. Фесечко, приехавшие в 30-е годы во Владивосток, всколыхнули концертную жизнь не только города, но и края. Они начали регулярно выезжать с концертами в отдаленные районы, выступать на радио. Помимо концертных выступлений педагогов и учащихся дальневосточных музыкальных учебных заведений на сценах и по местному радио, во второй половине 30-х годов Владивостокское музыкальное училище вынесло на суд зрителей постановку двух опер: «Царской невесты» Н. Римского-Корсакова (1936 г.) и «Евгения Онегина» П. Чайковского (1937 г.). В ведущих партиях солистов выступили педагоги, великолепные оперные артисты В. Добротворская, Я. Черненко, И. Ахмадов. С огромным интересом местной публикой был встречен дебют юных дарований — Н. Иваницкой, А. Сильванюка*, Я. Коровиной, Н. Санцевич. Как отметила владивостокская пресса, «Царская невеста» была первым «общественным экзаменом», а «Евгений Онегин» — «новым достижением» музыкального училища²³. Наряду с высокой оценкой уровня исполнительского мастерства констатировалась бедность декораций, поскольку на подготовку спектаклей не было отпущено никаких средств, материальное положение оставляло желать лучшего.

Продолжала свою деятельность балетная студия, открылась театральная. При читинской школе с 1938 г. начала действовать студия изобразительного искусства²⁴.

Итак, анализ деятельности дальневосточных музыкальных учебных заведений на протяжении 1929—1941 гг. свидетельствует о том, что, несмотря на крайне трудное материальное положение этих крупнейших центров культуры Дальнего Востока СССР, динамика интенсивности, продуктивности и многоаспектности их работы уже к концу 30-х годов ярко обозначила новую, вторич-

* Молодой исполнитель партии Евгения Онегина А. Сильванюк погиб во время Великой Отечественной войны.

ную (после этапа 1917—1922 гг.) попытку развития системы музыкального образования. По крайней мере, от низшего звена к среднему.

Однако к середине 30-х годов параллельно уже сформировавшимся внутренним положительным тенденциям развития музыкального искусства на культурное пространство региона начинают влиять и негативные, зарождавшиеся вне собственно сферы культуры. Во-первых, узкий утилитарно-прагматический подход к культуре со стороны тоталитарной системы поставил культуру в абсолютную зависимость от практических интересов решения общехозяйственных задач. Во-вторых, с середины 30-х годов по всей стране стремительно возрос масштаб репрессивных акций НКВД против различных «неблагонадежных» (даже потенциально) с точки зрения тоталитаризма групп населения и особенно дореволюционной интеллигенции, лиц дворянского происхождения, бывших участников Белого движения и др.²⁵ В-третьих, тщательный поиск «внутреннего врага» на Дальнем Востоке — приграничной зоне восточной границы СССР — еще более ужесточился в связи с осложнением к середине 30-х годов внешнеполитических отношений с Японией. Так, в 1937 г. были арестованы и вскоре расстреляны директор Читинской музыкальной школы (с 1930 по 1937 г.) Евгения Марковна Кацнельсон, бывшая дворянка, дочь врача, одна из лучших учениц Л.В. Собинова; преподаватель оперного класса Владивостокского музыкального училища Вера Добротворская; бывший офицер белой армии, пианист, преподаватель этого же училища Лауниц; любитель музыки, бывший участник оперных спектаклей читинской консерватории, первый исполнитель партии Хозе в опере Ж. Бизе «Кармен» скромный служащий, бухгалтер Леонид Федорович Игнатенко.

Подверглись репрессиям белые офицеры — бывший директор Читинского музыкального техникума, дирижер оркестра народных инструментов В.В. Кальпус; работник Дальрабиса Утешинский и многие другие. В 1940 г. были вынуждены выехать в центральную часть России педагоги Читинской музыкальной школы А.Ф. и Л.А. Крушельницкие.

Можно утверждать, что вышеназванные общегосударственные и региональные негативные тенденции, спровоцировав «социально-демографическую стерилизацию» региона, привели к трагическим последствиям. Фактически был срезан чрезвычайно тонкий слой дальневосточной интеллигенции, и во всей региональной образовательной системе к концу 30-х годов начались процессы свертывания или передислокации учебных заведений из наиболее опасных пограничных районов в глубь страны²⁶. Ярким примером тому может служить не только судьба ДВГУ, закрытого 1 июля 1939 г., но и владивостокского и хабаровского музыкальных училищ, которые были закрыты в том же 1939 г.²⁷

Таким образом, уже вторичная после начала 1920-х годов попытка развития системы дальневосточного музыкального образования, хотя и не в самом полном воплощении 3-х звеньев (школа — училище — консерватория), а лишь укрепившихся 2-х звеньев (школа — училище), потерпела поражение. И надолго — с 1939 г. вплоть до конца 1950-х на Дальнем Востоке опять-таки единой и единственной структурой музыкального образования стала государственная музыкальная школа — начальное звено всей музыкальной образовательной системы*.

* Например, во Владивостоке музыкальное училище вновь было открыто лишь в 1957 г.

- ¹ ПАХК. Ф.35. Оп.35—32. Д.338. Л.50.
- ² Забайк. рабочий. Чита, 1928. 23 сент.: Красное знамя. Владивосток, 1933. 30 июня.
- ³ Эти сведения предоставлены старейшим педагогом центральной музыкальной школы г. Читы В.Л. Бахаевой.
- ⁴ Забайк. рабочий. Чита, 1928. 12, 23 сент.
- ⁵ Музыкальная школа: Дела школьные // Амур. правда. Благовещенск, 1929. 21 дек.; ГАЧО. Ф.499. Оп.1. Д.42. Л.111.
- ⁶ Забайк. рабочий. Чита, 1928. 12 сент.
- ⁷ Красное знамя. Владивосток, 1935. 4 дек.
- ⁸ ГАЧО. Ф.409. Оп.1. Д.2. Л.19.
- ⁹ Забайк. рабочий. Чита, 1928. 23 сент.
- ¹⁰ ГАЧО. Ф.Р. 1448. Оп.1. Д.168. Л.87.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Забайк. рабочий. Чита, 1928. 12, 23 сент.
- ¹³ Там же. 1928. 12 сент.
- ¹⁴ ГАЧО. Ф.499. Оп.1. Д.2. Л.19.
- ¹⁵ ГАЧО. Ф.Р. 1448. Оп.1. Д.168. Лл.42—44.
- ¹⁶ Музыкальную культуру — массам. // Красное знамя. Владивосток, 1936. 12 янв.
- ¹⁷ ГАХК. Ф.1291. Оп.1. Д.4. Л.172. Кузнецов М.С. Дальневост. парт. организации. С.365.
- ¹⁸ Красное знамя. Владивосток, 1935. 27 мая.
- ¹⁹ ГАПК. Ф.1. Оп.1. Д.2906. Л.53; Кузнецов М.С. Дальневост. парт. организации. С.365.
- ²⁰ ГАПК. Ф.610. Оп.1. Д.2. Л.28.
- ²¹ Красное знамя. Владивосток, 1933. 30 июня.
- ²² Там же.
- ²³ Красное знамя. Владивосток, 1937. 18 марта.
- ²⁴ См.: Изостудия в Чите // Сталинское племя. 1938. 10 сент.
- ²⁵ См.: Чернолуцкая Е.Н. Принудительная миграция на Дальнем Востоке СССР как превентивная мера обеспечения безопасности в приграничной зоне накануне второй мировой войны // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1995. С.165—167.
- ²⁶ См.: Малявина Л.С. Особенности развития культурно-образовательной сферы на Дальнем Востоке в 30-е годы // XX век и военные конфликты... Хабаровск, 1995. С.163—165.
- ²⁷ ГАПК. Ф.610. Оп.1. Д.5. Л.54, 56.

SUMMARY. The author of the article tells about the state system of music education in the Far East at the end of the 20s — the beginning of the 30s. First of all, there were music schools of the 1st and 2d degree. The program and the number of specialties were thoroughly represented in Vladivostok Music School.

V.Korolyeva investigates in detail the material base of music schools. It consisted of various sources — state financing, subsidies of local budget, students' pay, etc.

At the early 30s there were opened music technical secondary schools in the regional and oblast centers. Their status is completely described by the author.

The analysis of the activity of Far Eastern music schools in the period of 1929—1941 gives the author an opportunity to draw a conclusion that despite the extremely hard financial situation in the major centers of culture in the Far East of the USSR, there was nevertheless a new splash of music education after 1917—1922.

Then there came 1937, when repressions also touched teachers of music schools. Schools were closed, then they were opened once more, and became the only structure of music education in the Far East till the end of 1950s.